

удовольствия. Значит, что-то не так или в спектакле, или, скорее всего, в тебе самой. В таких случаях стараюсь что-то преодолеть в себе. Но не бывает так: все плохо, а я хороша. Надо работать честно, выкладываться настолько, насколько ты *сегодня* готова это делать.

— Бывает ли так, что твое представление о собственном амплу не совпадает с точкой зрения режиссеров и их предложения не удовлетворяют тебя?

— Пока мне интересно играть все. И даже не свои роли. Я уже много попробовала своего. Бывает, что не твоя роль получается гораздо интереснее. Ведь актер, как и любой человек, существо ленивое. Он в стопроцентно своей роли ничего не ищет: она, как удобная одежда, наделась на него и готова! Мы тащим из своих прежних ролей краски, манки, чувства и эмоции, что очень облегчает работу. А когда делаешь то, что раньше не приходилось, невольно открываешь что-то новое.

— А были ли роли, которые ты играла без любви, через силу?

— Я всегда старалась полюбить все, что мне дарует Господь Бог. Но иногда отрицательное отношение к некоторым ролям преодолеть не получалось. Так было с ролью в спектакле «Молодость Людовика XIV». Она на меня вполне «легла», спектакль был выстроен, работало весело, но удовольствия от нее я не получала.

— Какие роли, ставшие уже историей, было жалко бросать?

— Так было со спектаклем «Папа, папа, бедный папа». Кто-то решил, что он не вписывается в имидж театра Сатиры. Хотя мне кажется, он украшал репертуар именно своей неоднозначностью. Вспоминая с ностальгией и «Горячее сердце». Это был мой прорыв в театре от длинноногих красоток к серьезной, настоящей драматургии. Произошло попадание в десятку. После этого, кстати, мне предложили Катарино.

— Многие актеры, будучи нереализованными на своей сцене, ищут себя на стороне, в антрепризах и так далее. Ты — более чем реализована и востребована. И все-таки что-то тебя привело в маленькую студию Алексея Левинского, где ты сыграла Кармен. Наверное, решила денег подзаработать?

(Бурный, продолжительный смех). Эта реакция Марины имеет под собой веские основания, ибо актеры студии Левинского, равно как и героиня этого интервью, не только никогда ничего не получали за свою работу, но в свое время даже сбрасывались на зарплату билетерам, кассирам, осветителям и так далее. (Прим. интервьюера).

— Что касается денег, то расскажу о потрясении при получении первой зарплаты в театре. Шла и думала: надо же, за такое удовольствие и счастье еще и деньги платят! Ведь это совершенно несоизмеримые вещи: божество Театра и какие-то презренные бумажки!

А с Левинским — это из серии «опять свежело». Решили меня ввести в сказку Гоцци «Ворон», которую в свое время ставил Алексей Александрович. Он оставил потрясающий шлейф в театре Сатиры, его все просто обожают и уважают и как человека, и как режиссера. Его попросили специально прийти и поработать со мной. Может быть, ему показалось, что я могу быть актрисой его театра, может быть, мы сразу стали говорить на одном языке, не знаю... Через пару месяцев он снова

пришел и предложил мне сыграть Кармен. Спрашивается, кто не хочет сыграть Кармен?! Мне было более чем лестно, и я с огромным наслаждением принялась за работу. Это было безумно интересно, потому что Леша — это совершенно другой мир, другой театр. Мы выпустили спектакль «Клоуны». На него были хорошие рецензии. Более того, он был выдвинут в рамках какой-то премии в номинации «лучший спектакль года».

— Ты говорила об отсутствии у себя комплекса звездности. А может быть, это недостаток? Может, надо заняться самораскруткой? Ведь под лежачий камень вода не течет...

— А не хочется. Во-первых, я не умею этим заниматься. Во-вторых, считаю, что популярность — не моя стезя. Это стадное чувство ничего не стоит и только влечет за собой огромные обязательства. Популярность — большой груз и титанический труд. Люди, обладающие ею, обременены необходимостью постоянно оправдывать любовь своих поклонников. Но это не значит, что я не хочу держать высокую планку. Мне легче работать без пристрастного взгляда и постоянного ожидания чего-то необычного. А в нынешнем состоянии я чувствую себя свободно и спокойно. И нет необходимости «играть в поддавки».

— Не значит ли это, что ты абсолютно лишена честолюбия?

— Нет, актер не может быть лишен этого чувства. Просто мое честолюбие особого рода. У меня есть планка, которую я не могу опустить. А суета и стадность — не по мне. Это не имеет никакого отношения к искусству.

— То есть при каком-то другом жизненном раскладе тебя бы вполне удовлетворил подвал Левинского, несмотря на ощущение гораздо больших потенциальных возможностей?

— Мне трудно предполагать, как бы могла сложиться жизнь. Но меня очень устраивает подвал Левинского даже в том контексте, в каком он сегодня существует. На «Клоунов» как-то пришел главный дирижер театра Сатиры Анатолий Кремер. После спектакля он мне говорит: «Я просто ошарашен, потрясен

тем, что вы занимаетесь настоящим искусством, без суеты».

Я очень люблю театр Сатиры, его полные залы, аплодисменты, хохот зрителей. Это дает какой-то допинг, новые силы. У Леша театр другой, он исповедует что-то настоящее, несуетное. Тут я пребываю в какой-то девственной нетронутости по отношению к Театру, к Искусству. Работа у Леша меня очищает.

— Как ты относишься к конкуренции? Какие чувства возникают, когда у тебя появляются вторые составы? Нет ли желания поднажать, проявить себя еще более ярко?

(Смех). Нет, никакой конкурентной борьбы я не веду. Но, когда пришлось, уходя в декретный отпуск, отдавать свои роли, возникло шемичее чувство расставания со своими детьми. Честно скажу, было тяжело. Но, вернувшись, была даже обрадована тем, что появились вторые составы. И не потому, что конкуренция подстегивает. Дело в том, что в последние годы я жила в состоянии бешеной гонки и не могла даже восстановиться от спектакля к спектаклю. И порой ловила себя на том, что работаю формально, на автомате, пытаюсь сыграть то, к чему в данный момент не могу подступиться ни физически, ни психологически, ни эмоционально. И когда половина репертуара ушла, я к своим персонажам стала относиться более пронзительно. Однажды потеряв «детей» и вновь их обретя, стала их больше любить и испытывать от этого большее счастье.

— Кстати, о последних «детях». «Секретарши» поначалу шли на высочайшей лирической ноте. Как ты думаешь, радуют ли они по-прежнему вас — актеров и нас — зрителей?

— Я слышала от некоторых людей, что из этого спектакля уходит то неуловимое первоначальное чувство радости пребывания актеров на сцене. Может быть, мы успокоились и нам стало все ясно. Поэтому мы начали железобетонить и свои образы, и взаимоотношения. Может быть, ушло непонятное волнение, облако неизведанного, когда ты идешь, как в тумане, и не знаешь, что тебя ждет дальше. Ведь

невозможно спектакль держать на первоначальном уровне и пятидесятый играть как первый. Но справедливости ради надо сказать, что в спектакле появилось много интересного, он растет.

— Мне кажется, что за «Неаполь» Анатолий Дмитриевич Папанов тебя бы пожурил: ты играешь хорошо в плохом спектакле...

— Я не считаю, что спектакль плох. Мне кажется, одна из главных проблем в нем — оформление. Это, на мой взгляд, — провал художника Боима. Но спектакль только-только становится на ноги. Мы, правда, надеялись, что его становление произойдет гораздо быстрее. Я пытаюсь работать в нем максимально честно. Хотя изначально образа практически не было, существовала лишь функция для высвечивания главных персонажей. Но тем не менее, этот образ очень важен. Моя героиня всегда виделась мне теплым, трепетным и трогательным существом. Работать было трудно, но приятно. Но недобор актерский еще чувствуется и, прежде всего, у меня. Может, руки не дошли еще. Но надеюсь — понимаю *про что* эта роль. Я ведь, пожалуй, никогда раньше такого не играла. И стремлюсь к тому, чтобы эта работа доставляла мне радость. Пока что это — титанический труд.

— Хочу вернуться к началу нашего разговора. Не обольщаешься ли ты по поводу крепости «семьи» театра Сатиры? Может быть, ты судишь об окружающих людях по себе?

— Судить об этом могу, конечно, только субъективно. Но то, что для меня субъективно, оно же и объективно. Конечно, сужу по себе, по своей компании. Есть люди близкие мне, а есть и такие, которые меня не трогают. Мне приятно думать, что у меня благополучная семья, но эту семью надо строить самой, иначе в нее не захочется приходить. Поэтому на многие вещи я просто не обращаю внимания, закрываю глаза. Пытаюсь не лезть туда, куда не надо, и не знать того, чего знать не надо. Тогда мне в эту семью будет приятно приходить, и она будет меня любить. По крайней мере, на тех условиях, о которых мы с ней договоримся.

— И что же предстоит создать нового в этой семье?

— Мне, слава Богу, пока ничего. Честно скажу, очень устала. Я даже в глубине души обрадовалась, когда не попала ни в одно распределение в новых работах. Потому что мне пока больше нечего сообщить миру нового. У меня такое ощущение, что я абсолютно выпотрошена и мне надо что-то накопить. Надо ведь иметь азарт на спектакль. Я вижу, как загораются глаза у актеров, когда они видят себя в новых распределениях. У меня такого азарта и огня в глазах сейчас нет. Организм не обманешь. Когда не можешь подключить к работе голову и сердце, нужен передых. Но в текущем репертуаре работы предостаточно. И я очень рада, что прихожу на службу без суеты, без усталости от утренней репетиции. Хочется играть спектакли и что-то в них открывать.

Беседовал Павел ПОДКЛАДОВ

● Марина Ильина в спектакле «Укрощение строптивой»

